

НАТАЛЬЯ ПАРХИМОВИЧ

Прощение

Новеллы

Притча

Душа взглянула на этот мир и улыбнулась.
— Тебе нравится? — спросил Учитель.
— Да, — ответила Душа.
— Но ведь ты не знаешь ничего о мире людей.
— Я буду продолжать учиться, — сказала Душа.
— К тебе придут другие учителя. Ты не боишься им довериться?
— Не боюсь, — ответила Душа.
— На кого же ты надеешься? Ведь Я отпускаю тебя совсем.
— Быть свободной так интересно.
— Свобода обманчива.
— Я буду любить людей. Я буду защищена любовью.
— Но любовь — это несвобода.
— Я не могу не любить.
— Тебя ждут тяжелые испытания.
— Я все выдержу.
— Этот мир тебя не примет. Он не готов. Он не сможет оценить Твою любовь.
— Я буду с ним всегда.
— Он разобьет твой хрустальный светильник, растопчет и не заметит твоих мучений. Ты будешь догорать в одиночестве, не в силах этому миру помочь. И ты согласна погибнуть вместе с ним?
— Да... — заплакала Душа.

Сашка

Уже за полночь гости разошлись. Убираю со стола, мурлыча себе под нос «Вот и стали мы на год взрослей...», ухожу на кухню мыть посуду. Еще год жизни пролетел — и не заметила: в хлопотах по дому, на работе.
Резкий звонок в дверь. В узкую щель под цепочкой просовывается жилистая рука с розой, затем вторая — с бутылкой шампанского. Дверь приоткрывается, и в проеме показывается веселая щербатая Сашкина физиономия.
— Дружок твой вспомнил. Раньше не мог, — ворчит муж и запирается в спальне.
Сашку это не смущает. Он вручает мне розу и говорит:
— Я тут на лестнице встретил твоего ангела. Он был совершенно пьян. Так что на пару часов я его заменю.
Я чмокаю Сашку в щеку. Мы проходим в кухню.
— Да, подруга, что-то замужество тебе не на пользу, — Сашка придиричиво окидывает взглядом мою располневшую фигуру.

Я вижу его добрые, смеющиеся глаза, и мне совсем не обидно.

Сашка мой закадычный друг еще со времен студенчества. Это единственный мужчина моего круга, к которому муж меня никогда не ревновал. Сашку это задевало. Он смешно приподнимал тощие ключицы, выпячивал такой же тощий живот и басом вопрошал: «Я что, не мужик?!»

Воспитанник суворовского училища, сирота, в юности Сашка старался опекать меня, как будто я была его младшей сестренкой. Ему всегда хотелось ощущать себя в семейном кругу, о ком-то заботиться. Сам не имея гроша в кармане, он сурово интересовался: «Может, тебе денег дать?» Меня это смешило и трогало, потому что сама не раз помогала ему деньгами, старалась чем-нибудь накормить. Вечерами я подрабатывала — стучала на пишущей машинке.

Когда на втором курсе он влюбился, то очень переживал, что не может ходить на вечера, — стыдился своих коротких, немодных брюк. А ему так хотелось увидеть ее, пригласить на танец, ведь Сашка танцевал великолепно — сказывались уроки танца в суворовском. И тогда я потащила его на вещевого рынок, и мы купили ему фирменные джинсы, на которые он не мог налюбоваться: «Ты мне прям как мамка», — грубовато-смущенно поблагодарил он, и глаза его заблестели.

Мы хранили нашу дружбу много лет.

...И вот снова сидим у меня на кухне, пьем шампанское «при свечах». Много новостей, много интересного в жизни, много смешного и хорошего — это все Сашка.

Он снова читает свои стихи, под гитару поет свои новые песни, а я подпеваю. А потом — стихи о Ней. О той любви к женщине, многолетней и трудной, которая живет в его сердце.

Саша познакомился с ней на студенческой вечеринке и потом долго, очень долго составлял часть ее свиты на лекциях, поэтических вечерах, в поездках. Она была талантлива и красива. Обычно бойкий, заводила-Сашка терялся перед ней, робел и... таял как свечка.

Он любил ее верной, молчаливой, страдающей любовью, не рассчитывая на взаимность.

Много лет после окончания университета мы не виделись, но переписывались постоянно, и я знала о нем почти все.

Я вышла замуж, у меня была семья, дети, интересная работа. У Саши все как-то не складывалось. Семью создавать не торопился, жил отвергнутым однолюбом. У него были женщины, но он очень скоро с ними расставался. Часто менял работу, метался по районам, пока, наконец, не вернулся в город своей юности.

Он все хотел добиться чего-то особенного, стать известным журналистом, прославиться — и все ради нее.

К тому времени она уже развелась с первым мужем. В сердце у Сашки опять затеплилась надежда...

Все рухнуло в один день. Сашка запил. Страшно, люто, безысходно. В квартиру к нему невозможно было ни достучаться, ни дозвониться.

На какое-то время он приходил в себя, вываливался на улицу с черным, отчужденно-диким лицом и как будто заново учился говорить. А потом снова надолго тонул в своем пьяном небытии.

Прошло время, тревожное и тяжкое для нас обоих. Сашка явился неожиданно: трезвый, чужой, холодный.

— Знаешь, я решил: буду лечиться. Не хочу от водки погибаться... Хочу все начать заново. Все эти взгляды, вздохи, недомолвки — от малодушия. О любви надо говорить... Нет, не то... О любви надо кричать! Может быть, тогда тебя услышат...

Он стал другим. Прежними остались только глаза — глаза больной собаки, мучительно печальные, безнадежные...

Его любимая опять была замужем, опять строила свое будущее без него.

В один из зимних дней Сашка мне позвонил и как-то виновато попросил:

— Мне тут надо в больнице полежать... недолго. Присмотри за квартирой.

...В больничной палате тесно, дышать нечем. Саша лежит у двери. Серое, осунувшееся лицо, слипшиеся волосы. Яблоки и сок не тронуты — он уже ничего не ест. Огромные, какие-то нездешние, измученные болью глаза. Сухие безвольные руки поверх одеяла.

Боясь расплакаться, я делано-радостным тоном сообщаю, что стихи его скоро будут напечатаны в популярном периодическом издании.

Саша находит мою руку и слабо мне улыбается.

Он тихо умер следующей ночью.

Женщина, для которой он писал стихи и которая их не читала, на похороны не пришла.

Летом, бывая за городом, я люблю по ночам смотреть на звезды. Где-то среди них бродит чистая, любящая и такая неприкаянная Сашкина душа.

...Я встретил твоего ангела...

...О любви надо говорить...

Гаврош

В детский дом Володьку привезли осенью, когда деревья были уже без листьев, небо дышало сырой голубизной и вокруг все ожидало холодов.

Холодно и страшно на душе у Володьки. Прижавшись лбом к оконному стеклу, он всматривался в песочные дорожки во дворе, промоченные холодными дождями. Под высоким забором-сеткой виднелся тонкий обтрепанный кустарник, за которым он пытался разглядеть автобусную остановку.

На игровой площадке возле дома пусто.

На такой же, только веселой, покрытой золотым песком детской площадке они часто гуляли с мамой. Он помнит ее легкое ситцевое платье в мелкие цветочки, ее волосы, собранные в тонкий пучок на затылке. Тогда он, еще совсем маленький, полез на высокую металлическую горку, чтобы, как другие мальчишки, вихрем скатиться по отполированной ее поверхности прямо под ноги маме. Детская рука привычно опиралась на протертое перильце, перебирая перекладины, все выше, выше... И вдруг он провалился в пустоту.

Он не осознал момента падения. Он только видел стремительно приближающееся мамино лицо и ее огромные от ужаса глаза. Володька упал прямо на ее судорожно вытянутые руки, и затем они вместе оказались лежащими на земле...

...Потом, когда пьяный отец выбросил его, пятилетнего, из окна второго этажа, Володька не мог понять, почему в этот момент внизу, под окнами, не было мамы. Он, оглушенный, только из какого-то далекого далека слышал ее страшный, сдавленный крик...

После того падения Володькино лицо некрасиво перекошилось, и он старался, проходя мимо зеркала, не смотреть на чужака, который в нем отражался.

Когда Володьку в первый раз привели в группу, он растерялся перед теми, кто, как ему казалось, придирчиво-недружелюбно рассматривал его лицо. Тут же забился в угол, заставив его детскими стульчиками, и, подняв над головой металлическую игрушку-машинку, никого к себе не подпускал.

Воспитательница Тамара Игнатьевна пыталась с уговорами его отсюда вытащить, но в конце концов отступилась: «Прям дикарь, Гаврош какой-то!» Из этой «баррикады» его вывела за руку тоненькая и тихая девочка Таня. Нянечка принесла ему сладкий компот и усадила за стол: «Ешь и успокойся. Ты тут такой не один».

Так кличка «Гаврош» закрепилась за ним сразу и навсегда.

...Сегодня Вадим, старший среди них, сказал, что Таню, самую красивую девочку в группе, забирают. За ней приедут «заграничные» мама и папа.

Таня и Володька подружились сразу. Они одновременно прибыли в детдом, были новенькими и какое-то время чужими среди остальных сверстников. Таня говорила, что обязательно, когда вырастет, станет врачом и вылечит свою много лет лежавшую неподвижно бабушку, а ему, Володьке, сделает «импластическую» операцию.

Время от времени в группу к младшим заглядывала директор Мария Харитоновна. Старшие почему-то прозвали ее «Марихуаной». Она была очень строга ко всем, ее боялись и не любили. Она придирчиво осматривала комнату, и от ее взгляда не ускользало ничто. Высокая, очень полная, Мария Харитоновна никогда не улыбалась, строго держала дисциплину. Вечером, когда дети начинали шалить перед сном, достаточно было крикнуть: «Марихуана идет!» — и все мгновенно разбежались по кроватям и затихали.

У нее не было своих детей. Нянечки иной раз перешептывались о какой-то ее «страшной операции».

Когда Марихуане рассказали о Володькиной «баррикаде», она посмотрела на него внимательным взглядом, положила тяжелую руку ему на голову и сказала только: «Не балуй!..»

Постепенно Гаврош освоился, стал играть с детьми. Но сохранял неприступный вид. Он всегда мог за себя постоять, и тем, кто его дразнил, от него доставалось. Сам он никогда не плакал. У него обнаружили способности к рисованию, и он все свободное время проводил за столом с красками. Гаврош рисовал людей с красивыми лицами. Они жили в волшебных городах, гуляли по песочным дорожкам, качались на качелях.

Когда Таню забрали, ему стало очень одиноко. Детской душой он понимал, что его, некрасивого, никто никогда не захочет усыновить. И он укрылся в воображаемом, им рисуемом мире. Эти рисунки были необычные. Их показывали на выставках детского творчества в районе. На них Володькины руки перенесли мечты о таком возможном в детстве удивительном и добром

мире. Среди голубых лесов, прозрачных облаков играли веселые дети, и на них смотрели мамины глаза...

Однажды, когда группа возвращалась с экскурсии по городу, Гаврош увидел на остановке стоявшую к нему спиной худенькую женщину в ситцевом платье в мелкие цветочки. Светлые волосы были собраны в пучок на затылке. Он приостановился, судорожно выдохнул: «Ма-а-ма...» Но подошел автобус, и она уехала.

Ночью у Гавроша поднялась температура. Он бредил, пытался за что-то ухватиться руками и все время просил: «Держи, держи меня...»

Его выхостили. Бледный как тень, Гаврош слонялся по комнате, подходил к окну, кого-то отыскивая взглядом. Рисовать перестал совсем...

Как-то во время прогулки он пропал. Его долго искали, вызвали милицию.

Мария Харитоновна, возвращавшаяся в это время из города, увидела его на автобусной станции сидящим на скамейке. Худенькие плечи, перекошенная щека. Как воробей на жердочке, он вертел головой, всматриваясь в проходящие автобусы.

Наткнувшись взглядом на Мариухану, Гаврош испуганно вскочил, но она твердо и бережно усадила его снова, обняла и прижала к себе. И впервые за все это время Володька заплакал.

Одиночество

Анна шла по знакомым дорожкам старого парка, глядя в землю и глубоко засунув руки в карманы старого пальто. Как могло это случиться? Почему она, почему это — именно с ней? За что?..

Приговор местных эскулапов — диагноз на одном листочке, таком маленьком и таком страшном, — перечеркнул ее жизнь, подведя ей итог в мелких, неразборчивых строчках медицинского заключения.

Медлить с операцией нельзя. А что потом?.. Сколько ей осталось?..

Взгляд ее остановился на ступеньках, ведущих к беседке возле самой воды.

Сколько раз — и не сосчитать — она ходила по набережной вдоль этой реки... Потом они уже вдвоем с Сергеем, молодожены, сидели в этой беседке и бросали хлебные корки уткам, подплывавшим к самому берегу.

Сережа, тогда молоденький лейтенант, принес ей в школу, где она работала, огромный букет роз: «Ты лучше всех! Я люблю тебя...»

Много лет, оставив работу, она моталась вслед за мужем по дальним глухим гарнизонам... Тяжелая, беспокойная служба Сергея легла и на ее плечи. Но они были вместе. Их любовь скрашивала неустроенный быт в бесконечных переездах с места на место. Они не могли друг без друга.

В минуты откровения, зарываясь лицом в ее волосы, Сергей говорил: «Как я люблю твое имя — А-н-н-а... В нем для меня все — и покой, и тепло, и уют. Ты мой дом, моя броня, мой тыл...»

На каждый день рождения он дарил ей букет роз.

Анна вспоминала, как накануне Нового года ждала его в далеком заснеженном поселке. Сергей был на учениях за много километров от нее. Кутаясь в теплую шаль, она прислушивалась к завыванию ветра за окном. И вдруг услышала стук открываемой двери. На пороге стоял улыбающийся Сергей, замерзший и счастливый. Он успел, добрался до дома на попутках. «Я не могу встречать Новый год без тебя...»

Вдвоем они пережили страшный удар, узнав, что у них никогда не будет детей. Вдвоем, сидя в их маленькой кухоньке, строили планы на будущее.

Сергей был для нее всем: мужем, ребенком, смыслом жизни...

Шли годы. Когда, наконец, они получили квартиру в небольшом приморском городке и зажили своим уютным, теплым домом, когда впереди замаячила прекрасная карьера мужа и благополучная, спокойная жизнь... Сергей ушел к другой женщине, родившей ему сына.

Анна вернулась в родной город.

С ней пришло и ее одиночество. Оно ходило за ней по пятам, таилось в каждом углу ее однокомнатной квартиры, раздвигая шторы, заглядывало в окна.

Попытка избавиться от этой безысходной тоски закончилась в реанимации — ее вернули к жизни.

И вот теперь жизнь сама уходила от нее.

Бродя по аллеям старого парка, наедине со своей бедой, Анна оценивала пережитое уже совсем по-другому. В этой жизни, такой неповторимой, она была когда-то счастлива, любила и была любимой. Она припоминала самые светлые моменты, заново переживая то, что вернуть уже было невозможно. Слышала запах роз, подаренных ей когда-то, слова любви, обращенные к ней одной... А-н-н-а...

Как же раньше она не понимала, что судьба ее состоялась! Она получила все полной мерой. Была жизнь, и в этой жизни была Анна. Так о чем же сожалеть?..

В онкоцентре Анна прошла серьезное медицинское обследование. Через много мучительных дней ожидания диагноз не подтвердился...

Теперь не страшно. Теперь всё позади. Теперь они вдвоем — она и ее одиночество...

Прощение

Каждый год в середине лета мы всей семьей приезжали на пару недель, а иногда и на месяц, к этому озеру. Старый друг мужа, заядлый рыбак, привозил нас сюда на своей машине.

Маленькое озеро среди леса, тихая, спокойная вода на отлогом песчаном берегу, где мы обычно ставили палатки, привлекали не только рыбаков. Здесь можно было просто отдохнуть, забыв среди тишины и покоя о городской суете.

То лето выдалось теплым, но дождливым. Едва расположившись небольшим лагерем и достав свои пожитки, мы обнаружили огромное количество лягушек, которые рассыпались брызгами из-под ног при каждом нашем шаге.

Мои мальчишки, старший — девятилетний, и четырехлетний младший, тут же начали ловить маленьких разноцветных лягушат. Набрав полные

пригоршни этого забавного шевелящегося чуда, они открывали ладошки, и лягушата веселым фейерверком рассыпались в разные стороны.

К вечеру, поставив палатки и закрепив тенты, мужчины разложили костер. Наскоро перекусив, побросали снасти в большую из двух лодок и уплыли порыбачить в тихую затоку.

Я с детьми осталась на берегу. День постепенно догорал. Угасал и наш костер. Младший сынишка, набегавшись, притих у меня на коленях. Я осторожно завернула его в спальник и отнесла в палатку, предварительно удостоверившись, не забрались ли в нее лягушки. Закрыв палатку на все замки-молнии, вернулась к костру.

Старший сын бежал возле палаток с толстой хворостиной, распугивая настырных квакуш.

Подбрасывая в костер хворост, задумалась, глядя на летящие искры, и не сразу заметила, что с сыном что-то произошло. Он шел от палатки к костру с опущенной головой, судорожно сжимая в руках обломок хворостины. Когда он подошел ближе, я увидела, что губы его дрожат.

— Я не хотел, я нечаянно...

— Что, что случилось?

— Я ее убил...

— Кого... — холодею я.

— Большую лягушку. Она, наверное, их мама. Я не думал, что так может получиться... я ударил ее палкой... Она... так... так закричала!..

Он отвернулся. Спина его задергалась от вырвавшихся рыданий. Я подошла, обняла его сзади за плечи, поцеловала в затылок. Он не принял моей ласки. Сбросив мои руки с плеч, подошел к костру и сел, закрыв лицо руками. Сама чуть не плача от жалости к нему, я присела рядом. Он смотрел в сторону, не в силах справиться с собой.

Я укрыла его пледом, тихонько отошла к палаткам. Обошла их вокруг в поисках лягушки. Возле самого тента увидела ее распостертое тельце. Собрав с земли сухую листву, обернула ею лягушку и отнесла подальше в заросли, захоронив в опавшей иглице.

— Знаешь, я там никого не обнаружила. Там нет никакой лягушки, — говорю, подходя к костру.

Сын поднимает опухшее от слез лицо, недоверчиво смотрит на меня. Он встает, мы вместе обходим палатку. Он все еще не верит мне, забегает подальше, заглядывает под тент, шарит в траве руками.

— Наверное, она отошла от удара и уползла, — как можно спокойнее говорю я.

Обнимаю его, вытираю заплаканные глаза. Мы идем к берегу. Усевшись в лодку, потихоньку выплываем на середину озера. Я поднимаю весла.

Лодка стоит посреди зеркальной глади. Тишина. Только иногда слышны легкие всплески — это окуньки ведут свою охоту. Спокойная вода отражает догорающий закат. Между соснами виднеется его бледная розовая полоска.

Говорить не хочется. Мы в гостях у озера.

Я смотрю в глаза сыну и вижу его душу.

Озеро бережно держит нас на своих ладонях. Нас впустили в эту тишину. Мы прощены...

«Лакмуся»

Первые впечатления детства, открытие мира — озеро Байкал. Мои маленькие ножки в сверкающей прозрачной воде, в которой видны каждая песчинка, камешек, что-то трепещет-движется.

Станция. Промежуточная станция по пути в большую жизнь. Мои молодые родители везли меня, совсем кроху, из Хабаровска в Москву. Они ехали навстречу своему и моему будущему.

Эта чистота и прозрачность под моими ногами останутся в памяти навсегда. Байкал стал для меня началом осознанной жизни, моим первым причастием. Первое удивление миром, первое потрясение его красотой, непостижимым величием и открытым детству доверием — этот мир твой.

Серебристая рыба в необыкновенно чистой воде. Ее, кажется, можно поймать руками. Гладь озера — прямо под окнами вагонов. Озеро подступает к самому железнодорожному полотну, и я все время боюсь, что поезд сейчас упадет в воду и мы утонем.

И еще одно впечатление — встреча с людьми, ехавшими с нами в одном вагоне. Путешествуя уже неделю, я перознакомилась со всеми обитателями разных купе. Меня угощали конфетами, люлюшкали, забавляли, носили по вагону на руках.

...Через три года моя мама, уже ставшая вдовой, привела меня, забрав из круглосуточного садика, в минскую коммунальную квартиру. Окно нашей маленькой комнаты выходило на улицу, где беспрестанно сновали трамваи, а через дорогу были булочная и старый кинотеатр.

В двух других комнатах жили семьи из трех человек. Это были женщины разного возраста. На всех — одна большая кухня, где в то время местились кирпичная печь, которая растапливалась брикетом. На этой кухне я и познакомилась с жилищками нашей квартиры. Каждая старалась меня чем-нибудь угостить, я побывала в гостях в каждой комнате, где мне были рады. Так началась моя жизнь в коммуналке.

В первой от входа комнате жили две пожилые сестры-осетинки со своей совсем старенькой мамой, которая целыми днями вышивала. Ее вышивками была заполнена вся комната. Старшая, тетя Мила, работала и фактически содержала семью. Младшей, тете Гале, выпала каждодневная кропотливая забота о матери. Они обе относились к ней с удивительной нежностью и добротой. Каждое утро ее под руки приводили в кухню, где был большой умывальник, усаживали на табурет. И так, сидя, она умывалась, приводила себя в порядок. Мы к этому времени старались освободить кухню, потому что всем вместе становилось тесно.

За все время совместного проживания здесь не было ни одной ссоры, никто никогда не повысил голоса, не выказал своего недовольства.

В средней комнате жило семейство также из трех женщин, но моложе. Это были две сестры-студентки и их еще работавшая, а потому, как мне казалось, молодая мама. Тамара, с длинной темной косой, строгая, всегда серьезная и деловитая. Надя, белокурая, голубоглазая и всегда веселая, была шумной, подвижной. Я привязалась к ней сразу, и она постоянно со мной возилась: причесывала, дарила свои побрякушки. Но самое главное — брала меня с собой на каждое свидание с очередным кавалером и представляла как свою дочь. И в результате — почти все ухагеры бесследно исчезали. Надя прозвала меня «Лакмусей» (лакмусовой бумажкой). Встретившись через много лет, мы

вспоминали этот период нашей жизни и от души смеялись. «Естественный отбор» закончился тем, что остался единственный и самый верный кавалер, за которого Надя потом вышла замуж.

Со временем на нашей общей кухне произошли изменения: убрали старую печь и поставили газовую. А также подвели газовую колонку. Этого огненного чудища первое время боялись все, кроме мамы, и с нетерпением ждали вечера, когда она, придя с работы, его зажжет. Постепенно к газовой колонке привыкли, у нас наладились поочередная стирка и готовка.

Под Новый год вся кухня украшалась вырезанными из фольги звездами, гирляндами. Все собирались за одним столом: с пирогами, котлетами, фруктами, вином. Сестры-осетинки приносили патефон, и звучали танго Оскара Строка. «Дамы» приглашали «кавалеров».

В один из таких вечеров раздался звонок в дверь, и мне сообщили, что пришел Дед Мороз. В квартиру ввалился кто-то в белом и красном, таким же красным носом ткнулся мне в щеку, чем привел меня в ужас. Я заревела, но быстро успокоилась, получив в подарок красивую куклу. И тогда вместо меня почему-то тихо заплакала мама...

Пришло время мне идти в школу. Вечером накануне вся квартира напоминала муравейник: меня собирали «всем миром». Сестры-осетинки вместо передника, купленного мамой в магазине, надели на меня ими сшитый и украшенный кружевами, с красивым бантом сзади. Сестры-студентки заплетали и расплетали мои длинные волосы, придумывая какие-то особенные косички с шелковыми лентами.

Утром все собрались в коридоре меня провожать. Держась за мамину руку, я торжественно, с цветами, вышла во двор. Подняла голову и увидела их всех в окне кухни. Они махали мне и улыбались.

Когда я закончила первый класс, у нас в комнате появилось большое черное пианино «Беларусь». Сбылась мамина мечта. Деньги на пианино она копила давно. Ей хотелось, чтобы я была «не хуже других», и это «не хуже» упиралось именно в пианино. К моменту его покупки оказалось, что денег не хватает, и наши соседки, не спрашивая у мамы, внесли недостающую сумму.

Мои мечты о художественной гимнастике растворились в нотной грамоте. Каждое утро тетя Галя заходила ко мне в комнату и просила: «Сыграй что-нибудь...» Так непроизвольно я выполняла задания по музыке и в конце концов закончила музыкальную студию.

В младших классах я много болела. Зимой одна ангина сменяла другую, и я почти все время проводила в постели. Пропуски уроков по математике ничего хорошего не сулили. Нужен был репетитор. И тут на каникулы к теткам-осетинкам приехал смуглый родственник-студент, носивший необычное имя Ричард. Он охотно взялся со мной позаниматься. «Рыцарьд», как я его называла, не только «вытянул» меня по математике, но присылал и привозил интересные книги. Именно ему я обязана своим пристрастием к чтению. Но скоро «Рыцарьд» исчез из моей жизни, и я очень долго по нему скучала.

Поочередно наши соседки получили квартиры и разъехались. А мы с мамой остались ждать. Мы долго переписывались с сестрами-осетинками.

Они обменяли квартиру и уехали на родину, где и похоронили свою почти столетнюю мать.

В комнатах бывших соседей появились другие люди — две одинокие женщины — Мария и Ядя.

Ядя была тихая, осторожная, как будто всегда чем-то испуганная. В комнату к себе никогда не приглашала, всегда запирала ее на ключ. Меня это удивляло, потому что двери мы никогда не запирали. Тем не менее она пыталась наладить со мной контакт. Часто, когда наступала моя очередь мыть коридор и кухню (я, повзрослев, делала это вместо мамы), она предлагала свою помощь: «Ты ж такая слабая, дай я помою, никто не узнает!» Я гордо отбивала свою каторгу. И тогда она приносила мне с «Коммунарки», где работала, разные конфеты. Я честно их принимала как заработанные.

Вторая, Мария, была вдовой. Ее муж погиб в последний год войны. Уже в возрасте, она продолжала работать поваром в заводской столовой.

С Марией мы подружились. Я была уже старшеклассницей. Часто днем мы беседовали с ней в кухне. Когда наши «смены» не совпадали, Мария оставляла мне на столе что-нибудь вкусное. Она вообще любила всех кормить. Часто, заглядывая к нам в комнату, жутким шепотом сообщала, что приготовила «бабку» и одна ее есть не собирается. Она была олицетворением оптимизма и юмора. Ее любимая поговорка: «Ежу сабе, талерку — ворагу». Я с ней делилась своими сердечными тайнами, и приговор у нее всегда был жестким: «Навошта ён табе? Ні спераду, ні ззаду...»

Однажды она вышла в кухню заплаканная:

— Ой, такі фільм глядзела, такі фільм... То яна яго кахае, а ён яе не... А то ён яе кахае — а яна яму кажа: «Я ўжо павенчаная». От, забылася, як называецца... Дык ты ж у школе гэта вучыла... А, успомніла: «Аўгенья і Анегін»!

Вскоре мы с мамой получили, наконец, свою однокомнатную «хрущевку». Тепло простились с соседками, поплакали и уехали строить свое отдельное будущее...

...Озеро подступает к моим ногам.

Наверное, никогда и никому не дано понять смысла нашего появления в этом мире. Но ведь он есть...

Ушла навсегда моя мама. Ушли многие, кто окружал меня своим теплом.

Всякий раз, заходя в этот старый двор, поднимаю глаза к окну моего детства и как будто вижу наяву знакомые лица, выглядывающие из него в мой день...

